

Королева Сигрид Сторрода

(часть 2)

Король быстро пошёл к пристани, туда, где на якоре стоял корабль королевы Сигрид Сторроды с кроваво-багряными парусами.

Как только король увидел Сторроду, он вдруг резко остановился, словно что-то невидимое преградило ему путь. Ему тотчас припомнилась прелестная женщина, такая одинокая и печальная, стоявшая в дверях церкви.

«Что это? — подумал король. — Мне кажется, она прекрасней самой королевы Сторроды. Право, какие глупости приходят мне в голову! Этого же не может быть».

Королева приветствовала его гордой торжествующей улыбкой, но он тут же вспомнил, как сверкали слезы на глазах той, другой женщины.

Нет, он по-прежнему видел, что королева Сторрода величественна и красива, но он почувствовал к ней внезапное отвращение, словно она была сверкающей ядовитой змеей.

—Я не надеялась, что ты придёшь так рано, — с лёгкой насмешкой сказала Сторрода. — Я думала, ты, преклонив колени, молишься в своей церкви.

Королём внезапно овладело желание подразнить надменную королеву и делать всё ей наперекор.

—Обедня ещё не кончилась, — сказал он. — Я пришёл просить тебя пойти со мной в дом моего Бога!

Король заметил, что при этих словах её лицо потемнело, а глаза загорелись зловещим огнём. Но она тут же опустила ресницы и улыбнулась с показной нежностью.

—Лучше поднимись на мой корабль, — сказала она мелодичным голосом. — Я хочу, чтоб ты посмотрел подарки, что я привезла для тебя!

Она взяла в руки драгоценный меч с золотой рукоятью, словно желая приманить его этим. Слуги тут же вынесли ларцы, полные изумрудов и пылающих рубинов, бархатные плащи, опушённые горностаем. Но королю всё время виделась возле Сторроды та, другая женщина в простом синем плаще. И королева показалась ему среди блеска её несметных богатств драконом с золотой чешуёй.

—Я хочу сперва знать, — упрямо спросил он, — пойдёшь ли ты со мной в церковь?

—Что мне там делать, в твоей церкви? — спросила Сторрода насмешливо и надменно.

Но тут она увидела, как нахмурились брови короля, и поняла, что он уже не в том настроении, что был накануне.

—О, король Олав, молись в своей церкви сколько пожелаешь, — сказала она, мягко и вкрадчиво заглядывая ему в глаза. — Но не требуй, чтобы я бывала там вместе с тобой. Не проси об этом. А во всём другом я мечтаю угождать тебе, мой милый жених!

«Всё равно всё будет так, как я захочу! — с затаённой злобой подумала Сторрода. — Я опою короля приворотным зельем, заморозю поцелуями... И тогда я вобью в землю эту ненавистную христианскую церковь! Вместо неё я воздвигну каменные алтари. Ведьмы, тролли, вороны с горящими глазами соберутся сюда со всей Норвегии. Запылают огонь на алтарях, и я принесу овец и коз в жертву богам моих предков!»

Сторрода с торжеством посмотрела на короля Олава, она полагала, что сломила его волю и он уже во всем покорен ей.

Как раз в этот миг король вдруг оглянулся, будто он услышал позади себя тихую музыку. Он увидел женщину в синем плаще. Она пересекала площадь, и в каждом её движении чувствовались печаль и усталость. Но всё с той же неизъяснимой нежностью она прижимала к себе златокудрого ребёнка.

—Скажи, на что ты так пристально смотришь? — спросила королева Сторрода.

Женщина тем временем уже дошла до конца площади. Она бережно укутала краем плаща ножки ребёнка, ведь весной у реки часто дует холодный ветер.

И тут король Олав увидел: чудесное золотое сияние окружает её голову и головку ребёнка. Сердце замерло у короля в груди, он не мог отвести глаз от женщины с младенцем на руках. Но тут она свернула к городу и скрылась в узкой улочке.

—Скажи, на что ты так пристально смотришь? — топнув ногой, снова спросила Сторрода.

Король Олав резко повернулся к ней, и словно пелена упала с его глаз: он увидел, что все земные пороки и грехи мира окружают её. Он увидел: в глазах у неё горит адский огонь, а по тёмно-алым губам стекает яд.

«Боже праведный, благодарю Тебя! Ты открыл мне глаза и не дал запутаться в её раскинутых сетях!» — подумал король Олав.

Ещё когда он шёл через площадь к королеве Сторроде, он снял перчатку, чтобы протянуть ей руку. Но сейчас он с размаху ударил этой перчаткой её по лицу.

—Будь проклята ты, мерзкая языческая ведьма! — крикнул он.

Сторрода, как бешеная кошка, отскочила назад, но тут же опомнилась и ответила:

—Этот удар будет стоить тебе жизни, король Олав!

Лицо её посинело, как у языческой богини Хель, повелительницы царства мёртвых. Не сказав больше ни слова, она повернулась и вошла на свой корабль.

Ночью королю Олаву приснился странный вещий сон. Он видел перед собой не землю, а дно морское. Он видел, как рыбы гонятся за добычей, а высоко над ним, как тёмные облака, скользили корабли. Солнце сквозь воду казалось бледным и туманным, оно больше напоминало серебристую луну.

Вдруг на морском дне появилась та женщина, которую он видел в дверях старой церкви в Кунгахелле. На ней была всё та же поношенная бедная одежда, а лицо оставалось таким же печальным и удручённым. Она шла, глубоко задумавшись, а морская вода с благоговением расступалась перед ней. Струи воды свивались в колонны, они вздымались хрустальными арками так, что казалось, женщина идёт под сводами великолепного храма.

Король заметил, что вода вокруг женщины стала менять свой цвет. Струистые колонны отсвечивали бледно-розовым, ажурные своды теперь были тёмно-алыми. И наконец, всё море вокруг стало густо-красным, точно вся вода превратилась в кровь.

На морском песке, там, где проходила женщина, грудами лежали зазубренные мечи и расщеплённые копья, лопнувшие луки. Чем дальше шла женщина среди кровавых колонн и зыбких арок, тем больше попадалось на её пути сломанного и брошенного оружия.

Король вздрогнул во сне, вдруг увидев, что женщина остановилась, чтобы не наступить на мёртвого воина, лежавшего на морской траве. Он держал в руке обнажённый меч, а на голове его зияла глубокая рана.

Теперь король видел, что все морское дно усеяно обломками затонувших кораблей. Тяжёлые якоря увязли в песке, толстые канаты извивались, как змеи. Корабли лежали с поломанными мачтами и пробитыми бортами.

«Хотел бы я знать, кто здесь на море одержал победу и оставил всю эту богатую добычу в жертву безжалостному времени?» — подумал король.

Он видел множество погибших воинов. Одни, опустив руки, свисали с корабельных бортов, другие лежали на ложе из густых морских водорослей. Но у него не было времени, чтоб рассмотреть их. Погружённый в глубокий сон, он неотрывно следил за женщиной в синем плаще, которая шла всё дальше и дальше. Наконец она остановилась перед одним из павших воинов. На голове у воина был блестящий шлем. Одну его руку закрывал щит, а в

другой он продолжал сжимать обнажённый меч. Женщина наклонилась над ним и зашептала, точно желая разбудить спящего.

—Король Олав, — прошептала она, — король Олав... И тут спящий король увидел, что там, на дне морском, лежит он сам. Да, он узнал себя: этот мёртвый воин был он, король Олав.

—Разве ты не помнишь меня, король? — с неизъяснимой грустью прошептала женщина. — Я та, которую ты видел перед церковью в Кунгахелле.

Мёртвый воин не шевельнулся и не открыл глаз. Тогда она опустилась перед ним на колени и опять зашептала:

—Сторрода выслала против тебя все свои корабли и жестоко отомстила тебе. Жалеешь ли ты об этом, король Олав? Но мёртвый воин продолжал лежать неподвижно. Тогда она снова спросила его:

—Ты заплатил жизнью за то, что избрал меня, а не Сторроду. Жалеешь ли ты об этом, раскаиваешься ли теперь, король Олав?

Тогда глаза мёртвого воина открылись и женщина помогла ему встать. Он оперся об её плечо, и они медленно пошли по морскому Дну.

И вот наконец вода отхлынула назад, пена с шипением растаяла у их ног и они вышли из моря.

Король Олав оглянулся на милую его сердцу Норвегию, он видел её от края и до края. Берега, изрезанные фиордами, и великий город Кунгахеллу. Южнее раскинулась гористая Швеция. Босой пастушонок играл на свирели, и на зелёном лугу паслось стадо овец. Король Олав мог разглядеть большие города и самые малые селения. Он увидел осеннюю рябину. Ветер раскачивал её, и алая гроздь стучала в низкое окно. Солнце уходило за горы, вставала луна из чистого серебра и вновь поднималось солнце. И всюду, куда бы король Олав ни бросил взгляд, он видел высокие церкви со стрельчатыми окнами. Он слышал звон множества колоколов. Те, что были ближе, звонили торжественно и благостно, а звон колоколов из далёкой Швеции доносился как дуновение ветра, но всё же он слышал его. Но вот

всё запорошило снегом, лёд сковал фиорды и в окнах церквей зажглись огоньки свечей. Король понял, что наступило Рождество.

—Благодарю тебя, Боже, что Ты дал мне увидеть это... — прошептал король Олав.

Тут землю заволокло белоснежными облаками, и король начал подниматься по ним, как по ступеням, по-прежнему опираясь на плечо своей спутницы. Всё выше и выше поднимались они по облачной лестнице, пока не очутились в чудесном саду, где прозрачные цветы светились, а капли росы обвивали их, как ожерелья.

Как только женщина вступила в райский сад, она выпрямилась, походка её стала лёгкой и воздушной. Её голубой плащ засверкал, потому что он был соткан из голубых мерцающих звёзд. Вокруг её головы зажёгся венец из сияющих лучей и озарил её дивное лицо.

—Скажи, кто ты? — прошептал король Олав, ослеплённый её небесной красотой.

—Разве ты не знаешь? — Её улыбка была полна вечного покоя и света...

И спящий король почувствовал, что вся его душа наполняется великой радостью оттого, что он избрал служение Царице Небесной. Эта радость была так велика, так блаженна, что разбудила его.

Когда король Олав проснулся, то почувствовал, что его лицо влажно от слез и он лежит, сложив руки для молитвы.